

**ПОМОГИ,
ГОСПОДИ,
ИЗЖИТЬ
ГОРДЫНЮ**

Игумен Митрофан (Гудков)
Помоги, Господи, изжить гордыню
Серия «Даруй, Господи, мне зрети мои прегрешения»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=329292
Помоги, Господи, изжить гордыню: Сибирская Благовонница; Москва; 2009
ISBN 978-5-91362-185-6

Аннотация

Эта книга поможет всем, действительно ищущим своего спасения, с помощью Божией изжить в себе страсть гордыни и обрести спасительную добродетель смирения.

Содержание

Слово священника пред чтением этой книги	4
Гордость – тысячеглавый змий	6
Святитель Тихон Задонский	6
Схиигумен Савва	7
Преподобный авва Дорофей	15
Семь нечистых духов[6]	17
Серафим Роуз	19
Протоиерей Иоанн Восторгов	22
Священник Александр Ельчанинов	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Коллектив авторов

Помоги, Господи, изжить гордыню

Слово священника пред чтением этой книги

Я являюсь клириком храма в честь Державной иконы Божией Матери в Чертаново.

По церковным праздникам и воскресным дням большое количество народу собирается в наш храм помолиться, исповедаться и причаститься Святых Тайн Христовых. В такие дни перед священником, стоящим у исповедального аналоя, проходят сотни душ, открытых Богу в таинстве покаяния. И проплывают перед его мысленным взглядом удивительные и страшные картины жизни человеческой души: взыграния всё сметающей мощи страстей, напряженнейшей борьбы с ними, падений и подъемов, отчаяния и надежды, и – всепобеждающей помощи Божией.

А во главе всех страстей стоит их прародительница – гордость.

Каждый, кто пытался хоть сколько-нибудь серьезно бороться со страстями, знает насколько трудно победить главную из них – свою гордость. Ведь мало человеку осознать грех и понять, какая страсть действует в нем, прикрываясь многоликой маской самооправдания, мало понять путь, ведущий к победе над страстью, – нужно ещё и пройти этим путем. А это очень трудно сделать. Потому что борьба со страстью требует постоянных усилий, постоянного труда. Потому что на пути духовного нашего возрастания возникает множество вопросов, которые необходимо суметь правильно разрешить. Для этого нужна опытность, нужен совет, который мы ищем у духовника.

Но что же делать, когда нет его рядом? Или когда у него нет возможности беседовать с нами так подробно и обстоятельно, как нам хотелось бы? А такое, к сожалению, бывает в наших московских храмах. Когда, например, на праздник – как бывает в нашем приходе – мы причащаем тысячу человек, сил и времени у трех-четырех священников просто физически не хватает, чтобы совершить обстоятельную, неспешную исповедь. Что же делать тогда человеку, который серьезно хочет бороться со своими страстями и достигнуть в этой борьбе успеха?

С одной стороны, всё же искать возможность общения с духовником, а, с другой стороны, – обращаться к опыту святых отцов. Потому что святые отцы передают нам практический опыт жизни по заповедям. Они деятельно – своей жизнью – изучили многообразные проявления страстей, и нашли пути борьбы с ними. И мы имеем неоценимое сокровище в виде трудов святых отцов. Сокровище, которое как путеводитель, ведет нас в Царство Божие. Оно научает нас борьбе со страстями и стяжанию добродетелей. Такой борьбе, которая способна привести к очищению наших сердец. А, по слову Божию, «чистые сердцем Бога узрят».

Не к этому ли стремится каждый из нас?

Лежащая перед вами книга содержит в себе поучения святых отцов и современных проповедников, посвященные борьбе со страстями и, прежде всего, – гордостью.

Поскольку гордость, как уже было сказано, изначально лежит в основе греховной порочности человеческой природы, поскольку издревле ею поражен окружающий нас мир и поскольку мы действительно жаждем победить этот грех – святые отцы укажут нам неложный, истинный и реальный для каждого из нас путь.

И мы надеемся, что эта книга, появление которой стало возможно благодаря отклику православного издательства «Сибирская Благовонница», поможет всем, действительно

ищущим своего спасения, с помощью Божией изжить в себе страсть гордыни и обрести спасительную добродетель смирения.

Священник храма Державной иконы Божией Матери в Чертаново
Виктор Гусев

Гордость – тысячеглавый змий

Кто исповедует грехи свои, от того отступают они, потому что грехи основываются и крепятся на гордости падшего естества, и не терпят обличения и позора.

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Святитель Тихон Задонский Яд, сокровенный в человеке¹

Бывает, что человеку от злых людей подается яд самопревозношения, – тако от древнего змия, врага нашего, диавола, влиялся яд греховный и смертоносный в естество наше. Человек хотя и здоров бывает, однакож, когда в себя приемлет каким-либо случаем этот яд, от того сильно немоществует – тако естество наше было чистое, непорочное, святое, доброе, но, когда ядом хитрого и лукавого оного змия заразился, тогда в неисцельную немощь и беду впало. Яд, имеющийся в человеке, все тело его заражает – тако смертоносный оный яд змиин все силы душевные и телесные наши заразил.

Отсюда бывает не только гордость, но и высокоумие, презрение ближнего, осуждение, оклеветание, злословие, ругание, делом и словом отмщение, желание и искание собственной своей чести, славы и похвалы.

Отсюда лесь, лукавство, хитрость, ложь и лицемерие.

Отсюда студное дело, срамословие.

Отсюда излишнее о пище и питии и о трапезах попечение.

Отсюда столько вымышляют люди перемен в одежде и платье, в строении и украшении домов, в приуготовлении карет и коней и прочей суеты.

Все сие и прочее подобное сему от плотского мудрования и смертоносного яда змиина, в сердце человеческое всеянного, происходит.

Яд, имеющийся внутри человека, мучит человека и временем нестерпимую ему соделоват болезнь – тако яд оный змиин, сокровенный в душе, весьма мучит душу и различную ей соделоват болезнь.

Смотри, что делает гордость в человеке! Како его мучит! Сколько он вымышляет способов, како бы достать честь, славу и похвалу в мире сем! Доставши, с каким трудом и попечением бережет сокровище свое сие! Како негодует, когда от кого презирается! Како болезнует, смущается, ропщет и злобствует. Когда чести лишится, тако что многие себя умерщвляют!

¹ Из книги «Сокровище духовное, от мира собираемое».

Схиигумен Савва Семя сатаны (О гордости)²

Сущность гордости

Гордость – это страшная душевная болезнь, которая очень трудно излечивается. Нет более мерзкого греха пред Богом, чем гордость. Святые отцы называют ее «семенем сатаны».

Гордость – это крайняя самоуверенность, с отвержением всего, что не мое; источник гнева, жестокости, раздражения и злобы; отказ от Божией помощи. Но именно гордый имеет особую нужду в Боге, потому что люди спасти его не могут, когда болезнь достигает последней стадии.

Изобретатель греха, падший ангел тьмы, сам согрешил сопротивлением Богу, то есть гордостью, и весь род человеческий вводит в эту пагубную страсть.

Всякий грешник, который угождает страсти своей, ведет войну против Бога, как некогда сатана воздвиг бунт и войну на небе против Бога ради того, чтобы выйти из повиновения Ему и жить по своей воле.

Когда гордый, тщеславный, самолюбивый, славлюбивый, властолюбивый, жестокий, гневливый, завистливый, высокомерный, надменный, непослушный и другие удовлетворяют своей страсти и ради своего «Я» унижают других, то этим они как бы меч поднимают на Бога и как бы говорят Христу: «Не хотим мы следовать Твоему примеру, не хотим быть кроткими и незлобивыми! Не нравится нам Твой закон! Пускай они нам покоряются и служат, а не мы им!»

Избави, Господи, от такого помрачения! С гордыми обычно так и бывает. Если вовремя они не остановятся, не покаются, то становятся богопротивниками.

Чрез всякий грех, даже малый, в душе ослабевает благодать Божия, а чрез смертный грех люди теряют ее совершенно и делаются достойными вечного наказания.

Гордые выходят из-под власти закона Божия, поэтому сами себя лишают защиты и покровительства Божия. Они терпят поражение на всех путях своих. Живя в теле, они уже мертвы душой и еще при жизни испытывают гееннские муки: одиночество, мрачное уныние, тоску, злобу, ненависть, бесплодие, мрак и отчаяние.

Симптомы и развитие болезни

Грех гордости по своему развитию имеет несколько стадий и начинается он с *тщеславия*.

Симптомы тщеславия: жажда похвал; нетерпение обличений, вразумлений и упреков; мнительность, подозрительность, злопамятство; осуждение других, трудности просить прощения, искание легких путей; постоянная игра, как на сцене, в присутствии посторонних, с целью показать себя с благочестивой стороны, тщательно скрывая свои страсти и пороки.

Человек перестает видеть свои грехи, не замечает своих недостатков, начинает умалять (уменьшать) свою вину или вовсе отрицать ее, а иногда даже слагает ее на других. Знания же свои, опыт, способности и добродетели начинает преувеличивать и переоценивать. По

² Из книги «Земной путь к Богу».

мере развития болезни в своем мнении о себе он возрастает до великого, достойного славы. Поэтому болезнь эта так и называется: *манией величия*. В таком состоянии человек не только осуждает других, но начинает даже презирать и гнушаться ими и даже делает им зло. Избави нас, Господи, от этого!

А когда больному кажется, что его никто не понимает, никто не любит, но все преследуют его и хотят сделать ему зло, тогда болезнь эта именуется *манией преследования*.

Мания величия и мания преследования – самые распространенные формы истинной патологической душевной болезни. Эти болезни связаны с повышенным самоощущением, самоценом, когда преувеличенное чувство собственного достоинства вызывает презрение и враждебное отношение к людям.

Гордец всегда недоволен окружающими людьми и условиями своей жизни, поэтому он и доходит иногда до отчаяния, богохульства, прелести,³ а иногда и самоубийства.

В начальной стадии гордость трудно бывает распознать. Только опытный духовник или психолог могут безошибочно определить зарождение этой страсти.

Человек ведет себя как будто нормально, но опытный глаз усматривает в нем начало болезни. Человек доволен собой. У него хорошее настроение: он напевает, улыбается, даже часто смеется и порой без причины громко хохочет; оригинальничает, острит; делает разные приемы, чтобы обратить на себя внимание присутствующих; любит много говорить, и в его разговоре слышится бесконечное «Я», но от одного неодобрительного слова настроение его быстро меняется, и он делается вялым, а от похвалы снова расцветает как «майская роза» и начинает порхать как мотылек. Но, в общем, в этой стадии настроение у него остается светлым.

Далее, если человек не приходит в сознание своей греховности, не кается и не исправляется, то болезнь развивается и обостряется.

У человека появляется искренняя уверенность в своем превосходстве над другими. Эта уверенность быстро переходит в страсть командования, и он начинает распоряжаться чужим вниманием, чужим временем и чужими силами по своему усмотрению. Он становится нагл и нахален: за все берется, даже если портит дело, во все вмешивается, даже в чужие семьи.

В этой стадии настроение гордого человека портится, потому что он часто встречает отпор окружающих. Постепенно он становится все более и более раздражительным, упрямым, сварливым, несносным для всех. Естественно, его начинают избегать, но он убежден в своей правоте и считает, что его просто никто не хочет понять, поэтому порывает со всеми. Злоба и ненависть, презрение и надменность поселяются и утверждаются в его сердце. Душа становится темной и холодной, ум помрачается, и человек выходит из всякого повиновения. Его цель – вести свою линию, посрамить, поразить других и доказать свою «правоту». Вот такие-то гордцы и создают расколы и ереси.⁴

В следующей стадии развития болезни человек разрывает и с Богом... Все, что он имеет, в том числе способности и некоторые добродетели, все это он приписывает себе. Он уверен, что жизнь свою может устроить без посторонней помощи и может сам приобрести все нужное для жизни. Он чувствует себя богатырем даже при слабом здоровье. Превозносится своею «мудростью», своими познаниями и гордится всем, что имеет. Молитва же его становится неискренняя, холодная, без сокрушения сердечного, а потом он и вовсе перестает молиться. Состояние души его становится невыразимо мрачное и безпросветное, но вместе с тем он искренне убежден в правоте своего пути и с поспешностью продолжает идти к своей гибели.

³ Всецелое подчинение человека внушениям злой силы.

⁴ О сектантах Толстого.

Как распознать в себе гордость?

На вопрос: «*Как распознать в себе гордость?*» – Иаков, архиепископ Нижегородский, пишет следующее:

«Чтобы понять, ощутить ее, замечай, как ты будешь себя чувствовать, когда окружающие тебя сделают что-либо не по-твоему, вопреки твоей воле. Если в тебе рождается прежде всего не мысль кротко исправить ошибку, другими допущенную, а неудовольствие и гневливость, **то знай, что ты горд, и горд глубоко.**

Если и малейшие неуспехи в твоих делах тебя опечаливают и наводят скуку и тягость, так что и мысль о Промысле Божиим, участвующем в делах наших, тебя не веселит, то знай, что ты горд, и горд глубоко. Если ты горяч к собственным нуждам и холоден к нуждам других, **то знай, что ты горд, и горд глубоко.**

Если при виде неблагополучия других, хотя бы то врагов твоих, тебе весело, а при виде неожиданного счастья ближних твоих грустно, **то знай, что ты горд, и горд глубоко.**

Если для тебя оскорбительны и скромные замечания о твоих недостатках, а похвалы о небывалых в тебе достоинствах для тебя приятны, восхитительны, **то знай, что ты горд, и горд глубоко.**

Что еще можно добавить к этим признакам для распознавания в себе гордости? Разве только то, что если на человека нападает страх, **то это тоже признак гордости.** Святой Иоанн Лествичник пишет об этом так: «Гордая душа есть раба страха; уповая на себя, она боится слабого звука тварей и самих теней. Страшливые часто лишаются ума, и по справедливости. Ибо праведно Господь оставляет гордых, чтобы и прочих научить не возноситься».

И еще он же пишет: «Образ крайней гордости состоит в том, что человек ради славы лицемерно показывает те добродетели, которых в нем нет».

Дьявольские искушения

Человеческая природа склонна как к хорошему, так и к худому. Она удобоприемлема и для добра, и для зла; и для Божией благодати, и для злой силы.

Господь не насилует свободу человека, не приневоливает ее к добру, а только кротко возвещает душе о Себе и призывает ее на путь спасения. Душа же по своему произволению и по своей склонности делает выбор: или – или... Жить с Богом по Его святой воле или жить по своей воле, не задумываясь о последствиях.

О тех людях, которые живут только по своей воле и удовлетворяют своим страстям, говорить много не приходится, потому что своя воля – адское семя, она низводит душу во ад. А вот о тех людях, которые стараются познать волю Божию и следовать ей, о них можно и нужно говорить много, чтобы помочь им в этом благом деле.

Не думай, друг мой, что гордость – это такая страсть, такая душевная болезнь, которая приводит к физиологическим и патологическим изменениям в организме человека и потому присуща только некоторым. Этим недугом заражено, можно сказать, все человечество, за исключением немногих истинно смиренных. Но болезнь эта бывает в разных стадиях, к тому же часто скрывается под покровом напускного, лицемерного смирения, поэтому проявляется она не в полной мере и часто недооценивается.

Враг рода человеческого всегда побуждает нас к разным грехам и преступлениям. Он хитер, коварен и жесток. Хорошо знает он склонности каждого из нас и искусно нападает на слабую сторону особенно того, в ком нет твердой воли.

Нет ничего удивительного в том, что дьявол с легкостью повергает человека в гордость. Ведь душа наша создана по образу и по подобию Божию чистой, светлой, благоухаю-

щей добродетелями. И по природе своей душа стремится ко всему хорошему, благородному, возвышенному. Ей хочется всегда быть в ряду первых. Хочется как можно скорее достичь совершенства, блаженства!

Ну, скажи, друг мой, разве не похвальны эти порывы души? Разумеется, похвальны!

Но... Бедная неопытная душа не успеет опомниться, как с первых же шагов попадает в коварные сети лукавого. И чем более она будет стремиться к первенству, к совершенству (по ее понятиям мирским), чем более будет преуспевать... уввы! – даже в добродетели, тем более и более будет запутываться в сетях вражиих по своей неопытности, без духовного руководителя, без духовного отца.

Дело в том, что злая сила обманывает человека, внушая ему извращенное понятие о блаженстве. Она предлагает ему «блаженство» временное, земное, помогает ему преуспевать в достижении такого блаженства и коварно скрывает от человека, что спасение его и настоящее, истинное блаженство, вечное – обратно пропорционально «блаженству» земному, быстро преходящему. Если бы все это знали и со всей серьезностью хорошо уяснили бы себе это, то злая сила оказалась бы безсильной в своем коварстве и не смогла бы внушить людям горделивый помысл даже за их безчисленные добрые дела. Каждый искренно сказал бы сам себе: «Чем могу хвалиться? Разве только немощами да пороками. А что хорошее имею, так это все от Бога!» И своим смирением отогнал бы злую силу.

Но беда в том, что человек охотнее и с большим вниманием прислушивается к голосу врага своего, нежели к голосу своего Спасителя.

Тесный, тернистый и тяжелый путь смиренного христианина, он требует жертвы... требует самоотречения во имя любви к Богу и к ближнему, и на этом пути его встречают постоянные искушения от дьявола. Нужна большая сила воли, чтобы не поддаться соблазну, не устраситься искушений, борьбы со злою силой.

Широкий, гладкий и легкий путь человека (я не называю его христианином), который живет по воле дьявола, идет на зов своих страстей и исполняет их прихоти. Внешне этот путь усеян розами, но... надолго ли?

Вот перед нами характерный пример – гордец. Злой дух был невидимым спутником его и помогал ему брать от жизни все, что смертный человек может взять, чем может насытиться и пресытиться, гонясь за призрачным счастьем. Молодость, здоровье, красота, богатство, честь и слава, головокружительные успехи, дарования, таланты – все предоставил ему лукавый невидимый спутник, лишь бы укоренить в нем самую пагубную страсть – гордость. Безпечный человек с легкостью катился по наклонной широкой дороге, наслаждался мишурой счастья и незаметно для себя оказался на краю пропасти... Он стал невыносим для окружающих, и его стали избегать. Перестали проявлять интерес к его личности, перестали восхищаться его способностями, талантом, и он возненавидел всех. Тьма крошечная охватывает все его существо, ум помрачается, и он доходит до сумасшествия. Цель жизни потеряна, остается единственная отрада – прекращение мук, забвение всего... Дьявол радуется! Еще одна жертва – несчастный самоубийца, который становится вечным его достоянием.

Вот к какому печальному концу приводит гордость. Для примера я взял крайнюю степень, но в любой степени развития этой страшной болезни может ли быть по-настоящему истинно счастливым человек, которого не любит ни Бог, ни люди?

Ответ напрашивается сам собой.

А смиренный человек приходит к блаженному концу: к вечной радости, к вечному блаженству. Да, откровенно говоря, так ли уж тяжел и труден путь простого смертного христианина, не связанного обетами общественного служения народу? Только самое начало пути бывает болезненным для смиренного, а потом от упражнений добродетель входит в привычку, и смиренный человек уже перестает ощущать тяжесть от искушений дьявольских, наоборот, он более ощущает радости от каждой победы над собой. А когда он окончательно

утвердится в этой добродетели, тогда злая сила уже не смеет приблизиться к нему, потому что смирение опалает бесов и изгоняет их.

Тогда дьявол старается искушать его во сне, через людей, но и в этом он мало преуспевает, потому что истинно смиренный человек приятен каждому, и все его любят. Козни дьявола распознаются людьми, и благочестивые христиане не идут на грех, не восстают на праведника.

А какая неземная радость преисполняет душу смиренного человека! Сколько духовных утешений! Какая реальная близость и общение с Господом! Думаю, и ты согласишься, друг мой, ради такого реального неземного счастья всем поклониться, всех утешить, всем послужить, быть последним рабом у всех без разбора.

Искушения нам бывают на пользу. Они испытывают, очищают и просвещают душу и показывают, насколько сильна наша вера, поэтому не надо отчаиваться, когда приходят искушения, а надо мужественно бороться с ними и, самое главное, не допускать помысла: «Я лучше других». Наоборот, надо до кровавого пота нудить себя к мысли: «Я хуже всех» – и стараться находить в себе то, что подтверждало бы эти мысли.

Только никогда не забывай, мой друг, что, сколько бы ни встретилось на пути твоём неприятностей и искушений, их надо всегда принимать **за знак испытания, а не за знак отвержения**. На этом претыкаются многие христиане, оттого и впадают в отчаяние, почитая себя отверженными.

Искушение есть путь, ведущий к познанию Бога. Всякие бедствия, скорби и искушения сокрушают нашу душу. Но в утешение скорбящим Христос говорит: *С ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его... и явлю ему спасение Мое (He. 90,15–16).*

В искушениях мы лучше и яснее познаем, что не кто-либо другой, а именно Господь (и Его Пречистая Матерь) печали наши утешает, болезни врачует, в бедности помогает и обогащает, от смерти избавляет; познаем также, что Он – единственный источник нашей жизни, нашего спасения, нашего счастья, поэтому мы должны радоваться всяким скорбям, всяким искушениям, а не унывать и не отчаиваться.

Когда душу твою будет обуревать уныние или отчаяние, читай такие молитвы:

Всеу ты трудишься о мне, падший архистратиг. Я раб Господа Иисуса Христа. Ты, превознесенная гордыня, унижаешь себя, так усиленно борясь со мною слабым.

Что тебе, отчужденный от Бога, беглец с неба и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего. Христос, Сын Божий, власть имеет над нами и над всем. Ему согрешили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Укрепляемые честным Его Крестом, мы попираем твою змеиную главу. Аминь.

Примеры искушений из жизни чад

Иногда приходится удивляться хитрости и тонкости вражиих искушений.

Помнишь ли, друг мой, как ты вызвал однажды на соревнование по послушанию своего друга А.? Ух, с каким восторгом ты тогда приехал! Ведь ты же опередил его!.. Но я сразу почувствовал, что это не к добру ведет. Наводящий вопрос подтвердил мои опасения: ты радовался тогда не как сеятель добрых дел, а как победитель своего соперника.

Помнишь, как ты обиделся на меня, когда я совсем отстранил тебя от послушания? Гром и молния! Давно это было... Теперь ты совсем другой, а тогда этот метод духовного воспитания для тебя был крайне необходим.

Очень важно не упустить момента зарождения гордости. Вот я тогда подумал: если сейчас не схватить гордишку за голову, то потом уж не удастся – руку отгрызет! Теперь-то ты благодарен, разумеется, а тогда у-ух, как воевал...

Ни на одну страсть так болезненно не реагируют чада, как на гордость и тщеславие. Обличение в этом грехе принимают за личное оскорбление и обижаются, поэтому приходится умудряться и опытом жизни проводить свою линию, то есть без объяснения причин приводить к смирению. Приходится отстранять от человека то, что питает страсть гордости. Со временем человек понимает, что к чему и отчего.

Один из моих духовных чад рассказал о себе печальную повесть, как злая сила повергла его в гордость и как Ангел-Хранитель первоначально помогал ему распознавать козни вражий.

На работе он занимал ответственную должность и по долгу службы общался с большими учеными. Однажды профессор говорит:

– Вот если бы наука открывала, какие процессы происходят в том-то и том-то, то можно было бы сделать то-то и то-то... Была бы колоссальная экономия электроэнергии!

Чадо мое отвечает ему:

– Происходит там вот что... – и бессознательно, как во сне, говорит, говорит ему, а сам с ужасом думает:

«Так я, оказывается, одержимый! Кто во мне говорит? И что говорит? Теперь все узнают, что я душевнобольной... Как отнесется к этому начальство? Уволят!»

Стыдно ему стало за себя и страшно, хочет остановиться и не может. Даже такое сказал:

– Все это вы можете проверить такими опытами... Сами убедитесь!

А через месяц, когда слова его подтвердились, тогда-то прославили и вознесли его так, что пять лет он жил в постоянном страхе за себя.

С самыми сложными вопросами обращались к моему чаду. Он имел такую ясность ума, что вначале сам удивлялся и страшился, а потом привык и через пять лет незаметно для себя согласился с горделивым помыслом, приписал себе славу, и с этого времени началось его падение.

Он стал возноситься над другими, удивлялся «тупости» ученых мужей и администраторов, а иногда проскальзывало и чувство презрения, отвращения, брезгливости. В человеке он перестал видеть образ Божий, появилось обостренное чувство несправедливости, стал остро подмечать недостатки окружающих и возмущаться их «недостойным» поведением. На фоне «порочных» людей ясно видел свое превосходство и «исправность» жизни и, как фарисей, постоянно возносился над ними.

В его представлении люди разделялись на две категории: хорошие и плохие. «Плохих» людей он избегал и отворачивался от них. С хорошими же он был ласков, вежлив, обходителен, внимателен и, как родной отец или брат, заботился о них. Он их любил, они его любили, и среди них, как говорится, была тишь и гладь, и Божия благодать. Настроение у него было всегда приподнятое, ему было весело и хорошо.

Притаившийся враг хитро вел его все дальше и дальше, предвкушая победу. Гордость развивалась в нем с головокружительной быстротой. Он почувствовал в себе способность наставлять других, вести ко спасению. И вот тут-то случилось с ним нечто такое, отчего он впал в страшное, мрачное, безысходное отчаяние.

Внезапно дьявол обрушился на него с двух сторон: открыл ему глубину его гордости и разжег его плотскою страстью. Другие пять лет враг томил его хульными и блудными помыслами.

– Как знать, – закончил свой исповедальный рассказ мой прихожанин, – чем бы все это кончилось, если бы на своем пути я не встретил духовного отца. Думаю, не избежать бы мне адских мучений. Но милосердный Господь, не хотя смерти грешника, сжалился надо мной,

указав мне духовный путь, как якорь спасения. Помогите же мне избавиться от гордости! О, как я боюсь этой страсти! Ведь можно возгордиться, подумав: «Я смиренный».

Видишь, друг мой, какой Господь любвеобильный! Он попустил ему впасть в тяжкие грехи, но это послужит ему средством к приобретению смирения. Говорят: «Не познавший горькое – не оценит сладкое». И еще так говорят: «Не было бы счастья – несчастье помогло». К нему очень подходят эти поговорки. Теперь-то уж, конечно, он будет осторожнее в оценке себя.

Искренно тебе скажу, друг мой, радостно бывает на душе, когда видишь, что Господь ведет таким путем, то есть когда грешник приходит к покаянию через скорби. Пережитые искушения, как крепкая стена, ограждают христианина от новых вражьих искушений, особенно самоцена. А это главное.

Некоторые, наверное, думают: у-у, какой батюшка жестокий! Вот, например, приехали однажды чада-молодожены. Муж жалуется в присутствии жены, говорит:

– Отец, никак ей не угодить! Гордая, капризная, сварливая, все ей не так, все не хорошо. Заставляет все делать по-своему, со мной не считается, ни в чем не соглашается, наводит на грех... Что делать?

– Жену люби, как душу, – говорю ему, – но тряси ее, как грушу, когда она отводит от благочестия. Делай вот так и так...

Обиделась на меня молодая и, наверное, подумала: «Ну и батюшка!.. Какой!»

А вот и приходится быть таким, чтобы потом была всем радость и земная, и небесная.

Для назидания расскажу тебе еще случай из жизни чад, как враг разжег двух девиц ненавистью друг к другу и как они победили врага тем, что стали целовать свой крестик.

Вначале эти девицы, Е. и М., были большими друзьями и жили, как говорится, душа в душу. Но хитрый и лукавый враг позавидовал такой дружбе и стал в душах их производить смуту. Одна говорит другой:

– Ты гордая!

А другая в ответ говорит:

– А ты вовсе превознесенная гордыня!

Ну и, разумеется, вражда. Все пошло колесом. Краски поблекли, все стало представляться в ином свете. Слова друг друга стали пониматься в превратном смысле. Каждая из них думала: «Вот как можно ошибиться в человеке! Считала, что лучше ее нет никого на свете». Стали усиленно избегать друг друга, насколько это было возможно при совместном послушании. И вот, пишут, одна и другая: «Батюшка, что делать? Погибаем! Разъедините нас». Спрашиваю у М.:

– Ты крестик целуешь за Е.?

– Нет.

– А почему? Разве ты не знаешь, что надо целовать крестик свой за того, кто нам в тягость?

– Простите, батюшка, забываю.

– Вот, – говорю, – злая сила и воспользовалась вашим нерадением, и крутит вами. Целуй крестик за Е. по пять раз утром и вечером, молись и искренно желай ей спасения. Е. тоже так будет делать. Тогда врага победите, и у вас опять будет мир и любовь.

Стали они приневоливать себя крестик целовать и молиться друг за друга, а потом М. рассказывает:

– Вижу, как Е. плачет, и мне делается ее так жалко! Думаю: «Ведь это я ее мучаю. Я хуже зверя», – и сама заливаюсь слезами. Смотрю только на нее и плачу, а сказать не смею – стыжусь. Думаю, что не поверит, скажет: «Лицемерка!» Молчу. Проходит неделя, другая... Молчим, иногда плачем, особенно в храме, и украдкой посматриваем друг на друга.

Однажды я уловила ее взгляд. В нем было столько сострадания, такая любовь, что я не удержалась и бросилась ей на шею с рыданием:

– Сестричка, милая, прости меня ради Христа! Я люблю тебя искренно, глубоко... Что было со мной, я и сама не знаю. Верь мне, я говорю искренно!

А она душит меня в своих объятиях, целует-целует без конца и потом с сияющим взглядом говорит:

– Верю, верю, сестричка! Я потому и плакала, что видела, как ты мучаешься из-за меня... Какие же мы, взрослые, глупые – хуже детей!

После этого случая они стали любить друг друга еще сильнее. Приятно смотреть на них. Всегда спокойные, энергичные, заботливые. И труд у них стал спориться.

Вот видишь, что делает животворящий Крест Господень! Гордость, как говорится, только на свет народилась, а они тут же ее приглушили. Понудили себя, помучились, зато теперь обеим хорошо. А если бы разошлись, то грех в них так бы и продолжал скрытно жить и развиваться и время от времени мучил бы их. Они остались бы с плохим мнением друг о друге и новый грех приложили бы к своим прежним грехам. А теперь они на факте убедились, что если человек не борется со злой силой, то он сам становится злым. Избави, Господи!

Вот как полезны искушения, как полезна борьба с ними! Через искушения человек себя познает, а когда крестик целует – тогда козни врага видит, поэтому от каждого искушения становится все опытнее и опытнее.

Только не надо забывать крестик целовать и молиться за тех, кто нам в тягость, и тогда все будет хорошо, враг ничего не сможет сделать.

Преподобный авва Дорофей Не оправдывайте самих себя⁵

Потом Он научает нас, как посредством святых заповедей очищаться и от самых страстей, чтобы чрез них не впасть опять в те же грехи. Наконец, показывает нам и причину, от которой приходит человек в небрежение и преслушание самих заповедей Божиих, и таким образом подает нам врачевство и (противу) сей (причины), дабы мы смогли сделаться послушными и спастись. Какое же это врачевство и какая причина небрежения? Послушайте, что говорит Сам Господь наш: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Вот здесь Он показал нам вкратце, одним словом, корень и причину всех зол и врачевство от оных – причину всего благого; показал, что возношение низложило нас, что невозможно иначе получить помилование как чрез противоположное ему, то есть смиренномудрие. Ибо возношение рождает пренебрежение, преслушание и погибель, как и смиренномудрие рождает послушание и спасение души. Разумею же истинное смиренномудрие, не в словах только или во внешнем образе смирение, но собственно смиренное чувство, утвердившееся в самом сердце. Итак, желающий найти истинное смирение и покой душе своей, да научится смиренномудрию и увидит, что в нем всякая радость и всякая слава, и весь покой, как и в гордости все противное. Ибо от чего подверглись мы всем скорбям сим? Не от гордости ли нашей? Не от безумия ли нашего? Не от того ли, что мы не обуздаем злого произволения нашего? Не от того ли, что мы держимся горького своеволия нашего? Да и от чего же более? Не был ли человек по сотворении своем во всяком наслаждении, во всякой радости, во всяком покое, во всякой славе?

Не был ли он в раю? Ему было поведено не делать сего, а он сделал. Видишь ли гордость? Видишь ли упрямство? Видишь ли непокорность?

После сего Бог, видя такое безстыдство, говорит: он безумен, он не умеет наслаждаться радостью. Если он не испытает злключения, то пойдет (еще) далее и совершенно погибнет. Ибо если не узнает, что такое скорбь, то не узнает, и что такое покой. Тогда (Бог) воздал ему то, чего он был достоин, и изгнал его из рая. И (человек) был предан собственному своему самолюбию и собственной воле, чтобы они сокрушили кости его, чтобы он научился следовать не самому себе, но заповедям Божиим, чтобы самое злострадание преслушания научило его покою послушания, как сказано у пророка: *накажет тя отступление твое* (Иер. 2, 19). Однако благость Божия, как я часто говорил, не презрела Своего создания, но опять увещевает, опять призывает: *приидите ко Мне еси труждающиеся и обременнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Как бы говорит: вот вы трудились, вот вы пострадали, вот вы испытали злые (следствия) вашей непокорности; придите же теперь, обратитесь; придите, познайте немощь свою, дабы войти в покой и славу вашу. Придите, оживотворите себя смиренномудрием, вместо высокоумия, которым вы себя умертвили. *Научитесь от Мене, яко кроток есмь, и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). О, удивление, братия мои, что делает гордость! О, чудо, сколь сильно смиренномудрие! Ибо какая была нужда во всех сих превратностях? Если бы (человек) сначала смирился, послушал Бога и сохранил заповедь, то не пал бы.

Опять, по падении, (Бог) дал ему возможность покаяться и быть помилованным, но вия его осталась непреклонною. Ибо (Бог) пришел, говоря ему: *Адаме, где еси?* То есть из какой славы в какой стыд перешел ты? И потом, вопрошая его: зачем ты согрешил, зачем преступил (заповедь), приготавливал его собственно к тому, чтобы он сказал: прости. Но нет

⁵ Из книги «Душеполезные поучения».

смирения! Где слово прости? Нет покаяния, но совсем противное. Ибо он прекословит и возражает: *жена, юже ми еси дал (прельсти мя)*, и не сказал: «Жена моя прельсти мя», но: *жена, юже ми еси дал, как бы говоря: «Эта беда, которую Ты навел на главу мою»*. Ибо так всегда бывает, братия мои: когда человек не хочет порицать себя, то он не усомнится обвинять и Самого Бога. Потом (Бог) приходит к жене и говорит ей: почему и ты не сохранила заповеди? Как бы, собственно, внушал ей: скажи, по крайней мере, ты: прости, чтобы смирилась душа твоя и ты была помилована. Но опять (не слышит) слова прости. Ибо и она отвечает: *змий прельсти мя*; как бы сказала: змий согрешил, а мне какое дело? Что вы делаете, окаянные? Покайтесь, познайте согрешение ваше, пожалейте о наготе своей. Но никто из них не захотел обвинить себя, ни в одном не нашлось и малого смирения. Итак, вы видите теперь ясно, до чего дошло устройство наше, вот в какие и коликие бедствия ввело нас то, что мы оправдываем самих себя, что держимся своей воли и следуем самим себе. Все это исчадия гордости, враждебной Богу. А чада смиренномудрия суть: самоукорение, недоверие своему разуму, ненавидение своей воли; ибо чрез них человек сподобляется прийти в себя и возвратиться в естественное состояние чрез очищение себя святыми заповедями Христовыми. Без смирения нельзя повиноваться заповедям и достигнуть чего-либо благого, как сказал и авва Марк: «Без сокрушения сердечного невозможно освободиться от зла и приобрести добродетель».

Семь нечистых духов⁶

Слово Божие бесконечно велико. И человеческое взглядывание в него, даже не выходящее за пределы разумения Святой Православной Церкви, постоянно обретает и новые оттенки постижения и нераскрытые прежде значения и смысла вечного.

Хорошо известна и обширно применяется притча Спасителя о нечистом духе, вышедшем из человека. *Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, вошедши, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого* (Мф. 12, 43–45).

Когда душа, по изгнании страсти, не умеет наполнить себя святым положительным содержанием, – нечистые духи помогают внедрить в нее гораздо более обильную, насыщенную и интенсивно работающую страстность – семь злейших нечистых духов.

Но почему семь? Случайно ли? А если нет? А если нет, – то есть если число «семь» имеет не просто символический смысл, означающий полноту, но и вполне реалистическое содержание, из сего следует, что семь страстей, которые нечистые духи вызывают к действию в душе человека, – всегда постоянны, одни и те же (конечно, речь идет только о тех случаях, когда греховные страстные движения, – вполне конкретные, как, например, пьянство и блуд, – из души изгоняются, а начать доброе делание она не озабочивается).

Наблюдение за подобными ситуациями, а у человека внимательного они всегда найдутся под рукой, а также логика духовно-нравственной жизни человека, доказывают одинаковость действия греха в подобных случаях.

Что бы нужно было сделать человеку, сумевшему победить греховную привычку? Для начала поставить ум свой на страже сердца, чтобы он рассматривал, по крайней мере, самые грубые греховные помыслы и, как сторож, даже не очень хороший, старался бы не пропускать самые несомненно враждебные оные.

Первым в дело идет нечистый **дух гордости**, который в зависимости от характера и настроения чистенького «пациента», раскрывается одним из трех лиц: **самодовольство** («какой я все же молодец, что сумел сам победить свой грех»), **самонадеянность** («оказывается, это не так уж трудно; и у меня вполне достаточно сил, чтобы справиться с этим»), **самоуверенность** («да и вообще эта мерзость не посмеет больше ко мне приблизиться, зная, что я опытный борец с нею и победитель»). И при моей неопытности в духовно-нравственной жизни он, соблазняя человека тремя своими лицами в любом сочетании и последовательности, – проникает и прочно обосновывается в бедной душе его.

Чувство удовлетворенности, так присущее внешнему деланию, гонит прочь остатки покаяния (если только они еще сохранились в душе), но зато пропускает торжественно и пышно появляющегося четвертого **нечистого духа – нераскаянности, нежелания каяться**. Он бесстрашно проходит в сопровождении хороших помощников: самооправдания и невнимательности к себе. Многочисленные повседневные погрешности, видя свободу проникновения, беспрепятственно проникали в душу и, оставаясь нераскаянными, производили свое разъедающее действие. Для более крупных погрешностей тут же находились извинительные причины. Шло обширное самооправдание в грехах. Даже бывая в церкви на исповеди (в основном на «общей»), человек по существу оставался нераскаянным. Так он лишился и другого главного оружия.

⁶ Из сборника «Настольная книга для монашествующих и мирян».

Нераскаянность гордыни уже и сама по себе может привлечь из безводных мест любых нечистых духов; но они – многоопытные – знают как действовать, где удобнее всего нанести самый болезненный удар.

Его наносит следующий нечистый дух – дух **неблагодарности**; ему к тому же естественно занять свое срединное место там, где уже обжились самодовольство, лень, безмолитвенность, нераскаянность. Дух сей – очень коварный, лживый и злобный. Тот, кем он овладеет, становится в большой степени чужд действию Святого Духа и не слышит Его внушений. Дух нечистый вселяется в человека и он катится в пропасть. Человек, неблагодарный, ничего доброго не способен видеть ни в действиях Божиих, ни в действиях людей, жалостливо спешащих ему на помощь, а все приписывает себе.

Тогда-то, вслед за неблагодарностью, скачет шестой нечистый дух. Он приносит с собой **равнодушие ко всем людям**. Он приносит с собой замкнутость на себе. И равнодушному все люди безразличны уже лишь по тому, какие они со всех сторон несут ему обиды (обиды, конечно, мнимые, но для него-то они действительны). Растет озлобленность и недобвольство. Между тем, сам в своей ослепленности и равнодушии, раздает обиды направо и налево, но, не видя людей, не видит и наносимые обиды. В его окрестности, по естественному порядку вещей, смыкается круг одиночества. Наиболее разрушительно отношение к тем, кто стремится его спасти...

Сей нечистый дух хорошо поработал. Вокруг одни обломки: обломки его души; обломки прежних добрых отношений. Еще по укоренившейся привычке во всех бедах человек видит вину тех, кто суть и были окрест меня, в себе же наблюдаю одно добросердечие, но уже все более и более неладно становится на душе, и от этой неладности возрастает смутность, и самое главное – невесть как освободиться.

И тогда-то вползает и распространяется, как кисель, по всему пространству души **седьмой** страшнейший дух нечистый – дух **уныния**.

О его действии можно написать диссертацию, но – печальную. Посему лучше здесь поставить точку.

Серафим Роуз Тщедушие⁷

...Некоторые приходят в монастырь в поисках духовности, но на своих условиях. Они взвешивают, сравнивают, рассчитывают, подходит ли им эта духовность, и берутся решить сами, не доверяясь Богу. Они непременно хотят сохранить свою «личность», не понимая, что таким образом теряют ее. Что говорил Христос? *Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее* (Мф. 10, 39).

Тщедушные боятся потерять душу свою ради Христа, боятся брать на себя обязательства, боятся выказывать любовь или делить ее с кем-либо.

Если человек не реагирует в простоте сердца, руководствуясь любовью ко Христу и ближнему, он черствеет сердцем и замыкается в узкой «личной» духовной жизни, что по сути еще одна разновидность самодовольства и самодостаточности. Такой человек дорожит своими «духовными взглядами»: он сам знает, какие подвиги ему исполнять, как проводить церковную службу, как следовать церковным канонам, как устроить приходскую жизнь, на что употребить деньги, к какой «политической» группировке в церкви примкнуть, как следует работать и вести себя «истинно верующему» и пр. И это ужасно, ибо такой человек более не слышит Бога. И если такое продлится, то получается нечто совсем уж чудовищное: человек начинает принимать собственные суждения за глас Божий. И уж тогда никто ему не указ.

Даже если такой человек начнет творить Иисусову молитву, она станет еще одной стеной, за которой он будет лелеять свою «праведность». И так, затворившись в камерке собственных страхов – «как бы чего не вышло», – он отчуждается не только от действительности, но и от Бога. Господь стучится к нему в каморку, но самоупоенная душа не хочет «лишних хлопот и забот».

Отец Герман⁸ привел также примеры тщедушия, некоторые он намеренно преувеличил до карикатурности, дабы не бить слишком больно некоторых из братии. Отец Серафим слушал и понимал, что его сотаинник касается самых простых, самых жизненных вопросов не только ради монашествующих в скиту, но ради всех современных искателей духовности. Он улыбался забавным гротескным примерам, угадывая прототипов. Иной раз посмеивался и над собой, ибо отец Герман указывал черты, присущие самому отцу Серафиму. Он понимал, как легко сокрыться под личиной «духовности», используя ее как предлог, чтобы избежать боли, уязвимости, необходимости жертвовать из любви. Да, частичку «тщедушия» отец Серафим углядел и в себе, ее нужно уничтожить. А изничтожая тщедушие в себе, он готов был помогать в этом и другим. Он хотел гореть, а не тлеть в вере. И хотел видеть в своем маленьком монастыре пламенную христианскую любовь, а не мертвый костяк организационной формы. Конечно, важна и нужна форма, это также ступеньки вверх, к Раю, но они – не в помощь, если сердце восходящего по ним не пронизано любовью и покаянием.

Глубоко в сердце отца Серафима запали слова отца Германа. Сколько раз еще вспомнит он их в своих работах и в беседах с братией в скиту. В 1977 году на день святого Патрика, к примеру, он поведал собравшимся в трапезной паломникам и братии, как распознавать в себе «поддельную духовность». Начал он с рассказа из жизни Братства на заре его существования: «Жил в Сан-Франциско человек, возгоревшийся Иисусовой молитвой. По утрам он повторял ее раз за разом, все больше и больше, и дошел до пяти тысяч раз. Чувствовал

⁷ Из книги «Не от мира сего».

⁸ Отец Герман – настоятель Платинского монастыря.

себя распрекрасно и вдохновлялся своим подвигом: среди мирской суеты, прямо со сна, не поев и не попив, он пять тысяч раз твердил Иисусову молитву, стоя на балконе. Однажды во время моления кто-то начал возиться прямо под балконом, тем самым отвлекая молящегося! И кончилось тем, что тот, не завершив последней тысячи, стал швырять вниз на голову суетливца тарелки! Что можно сказать о человеке, якобы поглощенном духовностью, Иисусовой молитвой, если – не прерывая ее! – он начинает бросаться тарелками? Только то, что он не укротил страсти в душе, пребывая в заблуждении, дескать, я лучше всех знаю, что и как подходит моей «духовности». Он полагался на свое суждение, а не на трезвение души или духовные знания. И при первой же возможности страсти возобладали! В этом случае куда полезнее сделать что-нибудь простое, нежели пять тысяч раз повторять Иисусову молитву».

В 1982 году, незадолго до смерти, отец Серафим вновь обратился к этой теме: сколь опасно для нашей жизни подменять волю Божию своим мнением. Была Великая среда, в этот день Православная Церковь напоминает верующим о предательстве Иуды. Отец Серафим говорил в проповеди о тщедушии Иуды, сокрытом под маской благочестия – именно это и повлекло предание Бога Живого на распятие. Прочитав отрывок из 26-й главы Евангелия от Матфея, отец Серафим продолжал: «Когда Господь ожидал уготованные Ему страдания, – как мы только что прочитали в Евангелии – приступила к Нему женщина с сосудом мира драгоценного и возливала Ему на голову. Показательно и удивительно трогательно, как Иисус принимает любовь простых людей. А Иуда – один из 12-ти бывших с Ним учеников, – глядя на такое «расточительство», уже замыслил свой план. Ведь он отвечал за казну 12-ти и «напрасная трата» дорогого мира переполнила чашу его терпения. Логика его мысли проста: «Я думал, Христос воистину велик. А он попускает пустые траты, делает многое неправильно, сам мнит себя «великим»... и тому подобные мыслишки, нашептываемые дьяволом. Дьявол хитро использовал страсть Иуды (к деньгам) и заставил того предать Христа. Иуда не хотел предавать – он всего лишь хотел денег. Он дал волю своей страсти, не распял ее.

Всякий из нас может оказаться в таком положении. Нужно всматриваться в потайные уголки сердца нашего и выявлять страсти, которые попытается использовать дьявол, дабы мы тоже предали Христа. И если мы с высокомерием взираем на Иуду: дескать, вот какой мерзавец, мы бы так ни за что не поступили – то мы глубоко не правы. Как и у Иуды, сердца наши полнятся страстями. Рассмотрим же их: нас легко уловить за любовь к «порядку», «правильности», «красоте». Оказавшись у дьявола на крючке, мы начинаем искать логических оправданий – опять же под диктовку наших страстей! А найдя самые «разумные» оправдания, мы тем самым уже предали Христа. Лишь присмотревшись к себе, осознав, что мы полнимся страстями, пойдем, что каждый из нас – вероятный Иуда! Чтобы такого не произошло, когда мы боремся и боримые страстями начинаем искать оправданий, тем самым вставая на путь предательства, нужно найти в себе силы остановиться и взмолиться: *Господи, помилуй мя грешного!*

Нельзя всю жизнь рассматривать сквозь призму собственных страстей, переиначивать ее по собственным меркам – это гибель. В жизни все нужно принимать как ниспосланное Богом, как лекарство, способное пробудить от дурманящего сна – страстей. Испросим же у Господа, что угодное Ему можем мы сделать. Услышим Его зов и уподобимся той простой женщине: не мудрствуя, она возлила драгоценное миро на голову Иисуса и за это – *где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет, в память ее* (Мк. 14, 9). Уподобимся же ей – будем четко внимать знамениям Господним. А они повсюду: в природе, в наших ближних, в каких-то «случайных совпадениях». Везде постоянно нас окружают знамения воли Божией. Нам только нужно внимать им.

Обнаружив в себе страсти и научившись обуздывать их, мы предотвратим и иудино предательство в своих душах. Ведь начинал он с малого: с заботы о «правильном» расходовании денег. И из такого малого вырастает предательство Господа нашего. Вооружимся

трезвением, не станем потворствовать страстям, кишащим внутри и вокруг нас, а попытаемся узреть волю Божию, как нам сейчас, сию минуту очнуться от дурмана и последовать путем страстей Христовых и тем самым спасти свои души. Аминь».

Протоиерей Иоанн Восторгов Самомнение⁹

Несъм, якоже прочий человеци!
(Лк. 18, 11)

...Сегодня в лице фарисея дано нам предостережение об одном страшном враге нравственного развития и всей духовной жизни человека; этот враг – самомнение. Чем оно, так сказать, искреннее, то есть чем больше человек сам верит в свои достоинства и заслуги, тем оно опаснее и губительнее. Молодым людям нашего времени, страдающим именно самомнением и самовозвеличением, почитающим себя солью земли, цветом интеллигентности, обновителями и руководителями жизни, по самомнению нетерпимым ко всем с ними несогласным, особенно полезно вдуматься в эту страшную болезнь духа. Ведь и в теле самая опасная болезнь та, которую человек не сознает и не замечает, и поэтому не предпринимает против нее никаких мер...

Притча о мытаре и фарисее рисует перед нами самомнение в живом и наглядном образе. Послушайте, как выхваляет себя фарисей пред Богом. *Несъм, якоже прочий человеци!* Он лжет? Притворяется? Едва ли. Ибо нельзя же, в самом деле, думать, что можно обмануть Бога. Нет, он, по-видимому, искренно уверен и убежден в своей безгрешности и безупречности. С самоуслаждением он перечисляет свои добродетели. Пощуся..., десятину даю... И в этом, думается, он опять не лжет; вполне возможно и вполне вероятно, что он и постился дважды в неделю, и десятую часть из приобретаемого отдавал.

И однако он пошел домой после молитв осужденным. За что же такой приговор? За что осуждение? Что худого сделал фарисей?

Он не сделал, конечно, нарушения закона, но ведь нравственное есть область, прежде всего – духовная, не перечень и список дел, а прежде всего и более всего духовная область настроений, чувств и мыслей, от которых исходят желания и проистекают дела. Одно и то же дело при этом получает различную окраску, имеет различную цену. Хлеб и вино в литургии, во святой чаше, на святом престоле – величайшее таинство; хлеб и вино дома за столом – простая пища и обычное угощение. Кровавая и мучительная операция врача над больным вызывает похвалу и благодарность; кровавое дело разбойника, хотя бы он был вооружен тем же ножом и наносил раны в те же места тела, остается преступлением, вызывает проклятие. И дела благочестия имеют значение, признаются или не признаются таковыми в зависимости от того духовного состояния, от того духовного настроения, из которого они проистекают. Фарисей же пришел к тому нравственному состоянию, страшному и ужасному, которое положило конец его духовной жизни и обозначило его духовную смерть. Он и впредь будет творить те же дела видимого благочестия, но и впредь они, опираясь на гордыню и самомнение, будут лишены нравственной цены.

Представьте себе человека не только сытого, но пресыщенного: захочет ли он есть? Представьте себе человека, вдоволь напившегося воды: захочет ли он пить? Самая мысль о пище противна пресыщенному, противен лишний глоток воды тому, кто не чувствует никакой жажды. Примените сказанное к духовной области. Вот человек, который любит себя, который убежден, что он безупречен, что в нем нет никакого недостатка, что он все на него возложенное, как долг, выполнил, и еще сверх того много прибавил: нужно было фарисею поститься раз в год, а он делал это два раза в неделю; нужно было давать десятину только с поля, а он давал ее со всего приобретенного, даже с ничтожных злаков – с мяты,

⁹ Из книги «Полное собрание сочинений», т. 3.

тмина и аниса... Может ли у такого человека быть желание дальнейшего усовершенствования, стремления к высшему званию? Разумеется, быть не может такого желания. Больше нужно сказать: одна мысль о том, что ему нужно сделаться лучшим, уже является для него оскорблением.

Пред нами знакомый образ лукавого и ленивого раба, который, получив от господина своего талант серебра, тщательно его скрыл, зарыл в землю, сохранил, не растратил, сберег до прихода господина, и в тупом самодовольстве был уверен, что исполнил долг и заслужил награду. Однако, сурово он был осужден: возьмите у него талант, – сказано о нем, – и отдайте имущему десять талантов... А негодного раба бросьте в тьму кромешную, где будет плач и скрежет зубовой... Таков приговор подобному бездушному, злобному и горделивому исполнению долга.

Ибо христианство есть религия духа, а не плоть, область внутреннего, а не внешнего делания, – внешнее само непременно придет при наличии внутреннего надлежащего настроения; ибо христианство есть безконечное нравственное совершенствование, а не застой, так что кто остановился на пути нравственного восхождения, тот неизбежно пошел назад, ибо христианство есть религия жизни, а не смерти. Христианство истинное и живое есть непрестоящая жажда все большего и большего совершенства... Ибо блаженны алчущие и жаждущие правды: они насытятся; ибо нет такого хорошего дела, которое не могло бы быть лучше; ибо нет такого высокого нравственного состояния, которое не могло бы быть еще выше... Ибо образ (идеал) совершенства, указанный христианину, – образ вечный, безграничный, всегда недостижимый: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный.*

И с этой точки зрения, при такой оценке поведения человека, разве возможна, разве допустима и уместна какая-либо гордыня и самомнительность? Напротив, чувство глубокого смирения, самое скромное мнение о себе, о своих качествах, достоинствах и силах, о своих делах и заслугах, постоянное сознание своего недостойнства и малых успехов в нравственной жизни, – вот что естественно является в человеке, вот что характеризует истинного христианина и показывает в нем истинный духовный вкус и широту понимания нравственного совершенства. Он смотрит не на то, сколько прошел, а сколько впереди остается идти. А впереди – гора Господня, гора духовного восхождения до самого неба, впереди – образ совершенства Самого Бога, Которому христианин должен уподобиться. При виде этого безконечно высокого образа разве не чувствуешь, что ты безконечно мал? Но ты сравниваешь себя с другими, тебе подобными людьми... Песчинка и огромная скала, по сравнению с земным шаром, разве так уже разнятся в значении? Разве ты уместишь их даже на картине земли?

Но у тебя есть дарование и достоинство... И ты готов любоваться ими? Верный знак, что таких достоинств у тебя и в тебе на самом деле нет. Достоинства – что духи, замечает епископ Феофан Затворник: кто надушен, тот не замечает аромата. Даже в жизни тела мы найдем нечто подобное. Я сейчас говорю, вы слушаете. А ведь в это время в каждом из вас непрерывно совершаются самые важные процессы в теле: кровь обращается, работают мозг, нервы, мускулы, совершается восприятие света и звука, совершается таинственное усвоение организмом пищи и превращение ее в кровь, жир, в ткани и мускулы, воздух поступает в легкие и отдает им кислород, кровь окрашивается то в один цвет, то в другой... Все эти процессы для тела – самые важные; прекратись они хоть на миг, и телу грозит смерть. А между тем, вы их не замечаете. Так и самые высокие духовные совершенства в человеке. Кто их имеет, тот их не замечает.

Но у тебя есть настоящее достоинство ума, памяти, мысли, воображения? Не могу же я, – говоришь ты, – не замечать их в себе. Что же, замечай и сознавай, но подумай: что же ты имеешь? И чем же тебе в таком случае хвалиться? Ведь сам ты не можешь изменить себе ни роста, ни пола, ни возраста. И хвалишься ты чужим, а не своим. Не все ли это равно, если бы кто требовал себе славы и награды за то, что он исправно работает легкими и непрерывно

дышит воздухом? Даже если ты весь твой долг исполнил, что в сущности невозможно, и тогда тебе говорит Господь: *Когда исполните все вам заповеданное, говорите, что вы – рабы никуда негодные, ибо исполнили только то, что должны были исполнить* (Лк. 17, 10). Одно то, что ты видишь конец долга и не представляешь себе его безконечности, уже свидетельствует о твоей грубости духовной. А если предаешься самомнению, ты – полное нравственное ничтожество.

Один гениальный писатель делает такое меткое замечание: достоинства и дарования у человека – это его числитель, а самолюбие и самомнение – это его знаменатель. Сами вы, знаете, что чем больше знаменатель, тем самое число мельче и ничтожнее...

Доселе говорили мы о самомнении в области нравственной, в отношениях человека к себе самому. Но оно проходит в жизнь бесчисленными и разнообразными путями и видами и всюду приносит плод по роду своему, – всюду несет вред и гибель. Учащиеся высокомерно осуждают учителей и, считая себя умными, готовы давать своим учителям наставления; молодые люди с удивительной легкостью, развязностью и самомнением судят о всех вопросах религиозных, государственных, общественных, властно предлагают планы и решения, властно раздают всем приговоры, хвалы и осуждения, легко разрешают всякие недоумения; писатели и общественные деятели преисполнены уверенности, что в них именно, в их взглядах и суждениях, в их советах и мнениях – полнота истины, непогрешимость и совершенство, а прочие человеки – глупцы и никуда негодные, достойные изгнания и кары за то, что они с ними не согласны; «люди общества» живут в самовлюбленном самопоклонении и воображают, что лучше и умнее их нет ничего на свете, что они только составляют общественное мнение, что напрасно с ними не посоветовались, когда было творение мира. Все это – проявление фарисейского духа самомнения.

Берегитесь закваски фарисейской, – предупреждал Спаситель. Известно, что закваска, и в малом количестве положенная в муку, проходит во все тесто, заквашивает и поднимает его все. Так и самомнение, гордыня и лицемерие, эта закваска фарисейская, проникая и в небольшом количестве в нашу душу, действуют с силой, распространяются далеко, губят всю душу, проходя во все ее движения, отравляя мысли, чувства и намерения, и отсюда отражаясь в действиях.

Смолоду нужно беречься этой закваски. Смолоду надобно возрастать в сознании обязанностей, а не прав, и всю жизнь, вместо прирожденного нам самолюбия и гордыни, нужно развивать в себе смиренное, столь свойственное православному русскому воцерковлённому человеку сознание греховности, недостойности, и молиться устами и духом чудною и спасающею молитвою мытарева сокрушения: *«Боже, милостив буди мне грешному!»*

Священник Александр Ельчанинов **Демонская твердыня¹⁰** **(О гордости)**

Величайший знаток глубин человеческого духа, преподобный Исаак Сириин, в своем 41-м слове говорит: «Восчувствовавший свой грех выше того, кто молитвою своею воскрешает мертвых; кто сподобился видеть самого себя, тот выше сподобившегося видеть ангелов».

Вот к этому познанию самого себя и ведет рассмотрение вопроса, который мы поставили в заголовке.

И гордость, и самолюбие, и тщеславие, сюда можно прибавить – высокомерие, надменность, чванство, – все это разные виды одного основного явления – «обращенности на себя»; оставим его как общий термин, покрывающий все вышеперечисленные термины.

Из всех этих слов наиболее твердым смыслом отличаются два: тщеславие и гордость; они, по «Лествице», как отрок и муж, как зерно и хлеб, начало и конец.

Симптомы тщеславия, этого начального греха: нетерпение упреков, жажда похвал, искание легких путей, непрерывное ориентирование на других – что они скажут? как это покажется? что подумают? «Тщеславие издали видит приближающегося зрителя и гневливый делает ласковыми, легкомысленных – серьезными, рассеянных – сосредоточенными, обжорливых – воздержанными и т. д.» – все это, пока есть зрители.

Детская и юношеская застенчивость часто ни что иное, как то же скрытое самолюбие и тщеславие.

Той же ориентировкой на зрителя объясняется грех самооправдания, который часто вкрадывается незаметно даже в нашу исповедь: «грешен как и все», «только мелкие грехи – никого не убил, не украл». В дневниках графини Софьи Андреевны Толстой есть такое характерное место: «И то, что я не умела воспитать детей (вышедши замуж девочкой и запертая на 18 лет в деревне), меня часто мучает». Главная покаянная фраза совершенно отменяется самооправданием в скобках.

«Бес тщеславия радуется, – говорит прп. Иоанн Лествичник, – видя умножение наших добродетелей: чем больше у нас успехов, тем больше пищи для тщеславия». «Когда я храню пост, я тщеславлюсь; когда же, для утаения подвига моего, скрываю его – тщеславлюсь о своем благоразумии. Если я красиво одеваюсь, я тщеславлюсь, а переодевшись в худую одежду, тщеславлюсь еще больше. Говорить ли стану – тщеславию облакаюсь; соблюдаю молчание – паки оному предаюсь. Куда сие терние ни поверни, все станет оно вверх своими спицами».

Ядовитую сущность тщеславия хорошо знал Лев Толстой. В своих ранних дневниках он жестоко обличает себя за тщеславие. В одном из дневников 50-х годов он горько жалуется, что стоит появиться в его душе доброму чувству, непосредственному душевному движению, как сейчас же появляется оглядка на себя, тщеславное ощупывание себя, и вот – драгоценнейшие движения души исчезают, тают, как снег на солнце. Тают – значит, умирают; значит – благодаря тщеславию умирает лучшее, что есть в вас, значит, – мы убиваем себя тщеславию. Реальную, простую, добрую жизнь заменяем призраками. Тщеславный стремится к смерти и ее получает.

«Я редко видел, – пишет один из современных писателей, – чтобы великая немая радость страдания проходила далями человеческих душ, не сопровождаемая своим отвра-

¹⁰ Из книги «Записи».

тительным спутником – суетным, болтливым кокетством (тщеславием). В чем сущность кокетства? По-моему, в неспособности к бытию. Кокетливые люди – люди, в сущности, не существующие, ибо бытие свое они сами приравнивают к мнению о них других людей. Испытывая величайшие страдания, кокетливые люди органически стремятся к тому, чтобы показать их другим, ибо посторонний взгляд для них то же, что огни рампы для театральных декораций» (Степун, «Николай Переслегин», с. 24).

Усилившееся тщеславие рождает гордость.

Гордость есть крайняя самоуверенность, с отвержением всего, что не мое, источник гнева, жестокости и злобы, отказ от Божией помощи, «демонская твердыня». Она – «медная стена» между нами и Богом (Авва Пимен); она – вражда к Богу, начало всякого греха, она – во всяком грехе. Ведь всякий грех есть вольная отдача себя своей страсти, сознательное попрание Божьего закона, дерзость против Бога, хотя «гордости подверженный как раз имеет крайнюю нужду в Боге, ибо люди спасти такого не могут» (Лествица).

Откуда же берется эта страсть? Как она начинается? Чем питается? Какие степени проходит в своем развитии? По каким признакам можно узнать ее?

Последнее особенно важно, так как гордый обычно не видит своего греха. «Некий разумный старец увещал на духу одного брата, чтобы тот не гордился: а тот, ослепленный умом своим отвечал ему: «Прости меня, отче, во мне нет гордости». Мудрый старец ему ответил: «Да чем же ты, чадо, мог лучше доказать свою гордость, как ни этим ответом!»

Во всяком случае, если человеку трудно просить прощения, если он обидчив и мнительен, если помнит зло и осуждает других, то это все – несомненно признаки гордости.

Об этом прекрасно пишет Симеон Новый Богослов:

«Кто, будучи безчестим или досаждаем, сильно болеет от этого сердцем, о том человеке ведомо да будет, что он носит древнего змия (гордость) в недрах своих. Если он станет молча переносить обиды, то сделает змия этого немощным и расслабленным. А если будет противоречить с горечью и говорить с дерзостью, то придаст силы змию изливать яд в сердце его и немилосердно пожирать внутренности его».

В «Слове на язычников» святого Афанасия Великого есть такое место: «Люди впали в самовожделение, предпочтя собственное созерцанию божественному» (Творения. М., 1851 г., т. 1, с. 8). В этом кратком определении вскрыта самая сущность гордости: человек, для которого доселе центром и предметом вожделения был Бог, отвернулся от Него, «впал в самовожделение», восхотел и возлюбил себя больше Бога, предпочел божественному созерцанию – созерцание самого себя.

В нашей жизни это обращение к «самосозерцанию» и «самовожделению» сделалось нашей природой и проявляется хотя бы в виде могучего инстинкта самосохранения, как в телесной, так и в душевной нашей жизни.

Как злокачественная опухоль часто начинается с ушиба или продолжительного раздражения определенного места, так и болезнь гордости часто начинается или от внезапного потрясения души (например, большим горем), или от продолжительного личного самочувствия, вследствие, например, успеха, удачи, постоянного проявления своего таланта.

Часто это – так называемый «темпераментный» человек, «увлекающийся», «страстный», талантливый. Это – своего рода извергающийся гейзер, своей непрерывной активностью мешающий и Богу, и людям подойти к нему. Он полон, поглощен, упоен собой. Он ничего не видит и не чувствует, кроме своего горения, таланта, которым наслаждается, от которого получает полное счастье и удовлетворение. Едва ли можно сделать что-нибудь с такими людьми, пока они сами не выдохнутся, пока вулкан не погаснет. В этом опасность всякой одаренности, всякого таланта. *Эти качества должны быть уравновешены полной, глубокой духовностью.*

В случаях обратных – в переживаниях горя – тот же результат: человек «поглощен» своим горем, окружающий мир тускнеет и меркнет в его глазах; он ни о чем не может ни думать, ни говорить, кроме как о своем горе; он живет им, он держится за него, в конце концов, как за единственное, что у него осталось, как за единственный смысл своей жизни. Ведь есть же люди, «которые в самом чувстве собственного унижения посягнули отыскать наслаждение» (Достоевский «Записки из подполья»).

Часто эта обращенность на себя развивается у людей тихих, покорных, молчаливых, у которых с детства подавлялась их личная жизнь, и эта «подавленная субъективность порождает как компенсацию эгоцентрическую тенденцию» (Юнг. «Психологические типы»), в самых разнообразных проявлениях: обидчивость, мнительность, кокетство, желание обратить на себя внимание даже поддержанием и раздуванием дурных о себе слухов, наконец, даже в виде прямых психозов характера, навязчивых идей, манией преследования или манией величия (Поприщин у Гоголя).

Итак, сосредоточенность на себе уводит человека от мира и от Бога; он, так сказать, отщепляется от общего ствола мироздания и обращается в стружку, завитую вокруг пустого места.

Попробуем наметить главные этапы развития гордости от легкого самодовольства до крайнего душевного омрачения и полной гибели.

Вначале это только занятость собой, почти нормальная, сопровождаемая хорошим настроением, переходящим часто в легкомыслие. Человек доволен собой, часто хохочет, посвистывает, напевает, прищелкивает пальцами. Любит казаться оригинальным, поражать парадоксами, острить; проявляет особые вкусы, капризен в еде. Охотно дает советы и вмешивается по-дружески в чужие дела; невольно обнаруживает свой исключительный интерес к себе такими фразами (перебивая чужую речь): «Нет, что я вам расскажу», или «нет, я знаю лучше случай», или «у меня есть обыкновение...», или «я придерживаюсь правила...», «я имею привычку предпочитать» (последнее – у Тургенева).

Говоря о чужом горе, бессознательно говорят о себе: «Я так была потрясена, до сих пор не могу прийти в себя». Одновременно огромная зависимость от чужого одобрения, в зависимости от которого человек то внезапно расцветает, то вянет и «скисает». Но в общем в этой стадии настроение остается светлым. Этот вид эгоцентризма очень свойственен юности, хотя встречается и в зрелом возрасте.

Счастье человеку, если на этой стадии встретят его серьезные заботы, особенно о других (женитьба, семья), работа, труд. Или пленит его религиозный путь, и он, привлеченный красотой духовного подвига, увидит свою нищету и убожество и возжелает благодатной помощи. Если этого не случится, болезнь развивается дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.